

Городецкий Марат Викторович —

старший преподаватель юридического факультета Новосибирского государственного технического университета, доцент Сибирского университета потребительской кооперации.

Marat V. Gorodetskii —

Novosibirsk State Technical University.

Трансцендентально-историческое значение русской революции

Термин «трансцендентально-исторический» означает выходящий за рамки истории. Речь, таким образом, идет о том, что революция 1917 г. в России по своему значению событие не внутреннее в истории, а образующее выход из нее в определенном смысле.

Мы хотим показать, что русская революция — это не марксистская революция, что подлинный ее смысл глубже, чем смена одной идеологии и экономической системы другой идеологией и системой. Мы собираемся показать это не исторически, но философски, то есть анализируя не события революции, но ее смысл. Основные этапы этого анализа: 1) в чем особая роль марксизма и в чем его ограниченность; 2) какая идея стоит за описанной в марксизме последовательностью формаций; 3) чем является русская революция в отношении к этой идее и почему она не является по существу марксистской.

Ценность и ограниченность марксизма

Марксизм — первая в истории открыто осуществленная попытка теоретической экспликации наднациональных, общеисторических основ

управления. Последовательность формаций, о которой говорит марксизм, — это заложенная в истории и во всех социумах общая структура управления. При этом: 1) все общества в истории управляются на основе одного и того же принципа, одной структурой, а результирующий смысл этого управления — эксплуатация, отчуждение — есть насилие над человеческой сущностью, то есть страдания и зло для большинства людей; 2) за данной структурой нет никакой единой воли, то есть она является абстрактной схемой, действующей как объективный закон, наподобие естественных законов. Мы полагаем, что второй из этих постулатов сужает реальность, то есть открытая марксизмом прогрессирующая структура эксплуататорских формаций — это не естественное, а целенаправленное явление.

Марксизм показывает само наличие порядка, обуславливающего управление какими-либо обществами на протяжении известной истории [1], и насильственную, противочеловеческую природу этого порядка, и это открытие. Марксизм ценен, прежде всего поэтому и играет вследствие этого открытия особую роль среди учений о политической истории. Но марксизм

УДК 94

В статье раскрывается немарксистский смысл Октябрьской революции 1917 г. Автор утверждает, что последовательность эксплуататорских формаций имеет такую не учитываемую марксизмом историческую цель, как система глобальной власти. Главная мысль статьи заключается в том, что революция 1917 г. — это борьба не против капитализма, но против наднациональной элиты, осуществляющей построение системы глобальной власти.

Ключевые слова

Революция, марксизм, эксплуатация, отчуждение, общеисторическое управление, прогресс, общее благо, глобальная власть, наднациональная элита.

недостаточен. Он не доводит понимание общеисторической структуры управления до конца. Выявляя схематическую модель, он не обнаруживает историческую субстанцию, делающую эту модель действующей и преемственной.

Марксизм останавливается на абстрактных экономических явлениях в описании общеисторического управления. Основная идея марксизма в том, что управление любого общества базируется на экономическом интересе держателя капитала (присвоенного общего блага), совпадающем с интересами других подобных держателей в борьбе против остального общества. Иными словами, есть естественно (ситуативно) возникающее насилие или мошенничество как средство создания первоначального капитала, есть корыстный интерес представителей господствующего класса в рамках какой-либо формации и есть политическая система, закрепляющая и защищающая эти интерес и насилие, и все это — некая повторяющаяся закономерность, общая структура. Попросту говоря: есть корысть и насилие и почему-то есть закон, делающий их общеисторической структурой, закономерностью.

Как совокупность частных корыстных интересов и ситуаций насилия во всех многообразных случаях порождает одну и ту же (по принципу) структуру управления? Аналогия с естественными законами, например законами эволюции, не позволяет исчерпывающе ответить на этот вопрос. В природе имеют место математически определенные связи и законы вероятности, делающие множество индивидуальных случаев (например, мутаций) действительно закономерно сводимыми к тому или иному общему направлению. В обществе же действует не органическая, но человеческая волевая природа, которая, если понимать ее действительно как онтологически особый фактор, никогда не будет во множестве случаев сведена без остатка, то есть строго закономерно, к одной общей для всех структуре. Если же такое сведение происходит, то причина этого не закон как не имеющая цели «слепая», то есть математическая по сути связь, но некое целесообразное и организованное движение, сходное с человеческой волевой природой, хотя и не обусловленное ею.

Марксизм фиксирует наличие структуры общеисторического управления и ее негативный смысл, но не затрагивает энтелехию этой структуры, идею, которая должна быть в общеисторическом управлении и которая не зависит от естественных условий, от природы. Соответственно, марксизм не ставит вопрос о внеестественной цели общеисторического управления.

Можно сказать, что общеисторическое управление имеет явный уровень, уровень очевидно, объективно выраженного зла и страданий, — этот уровень фиксируется понятиями отчуждения и эксплуатации. Этот уровень большинству людей дан эмпирически. И есть неявный уровень — не в мистическом смысле, а в смысле масштаба как общеисторическая энтелехия, как явление слишком большое, чтобы его можно было увидеть изнутри обычного человеческого соци-

Transcendental-Historical Significance of the Russian Revolution

The article reveals the non-Marxist meaning of the October Revolution of 1917. The author claims that the sequence of exploiter formations has a historical goal, not taken into account by Marxism, as a system of global power. The main idea of the article is that the 1917 revolution is a struggle not against capitalism, but against the supranational elite that is building the system of global power.

Keywords

Revolution, Marxism, exploitation, expropriation, general historical management, progress, common welfare, global power, supranational elite.

ального опыта, но которое видится в особых условиях или в исторической ретроспективе.

Итак, признавая марксизм ценным, но недостаточным, мы полагаем, выходя за его рамки, что у общеисторического управления имеется цель и мотив. Эта цель не есть эксплуатация, а мотив не есть корысть каких-то частных лиц. Частные корыстные интересы эксплуататоров — это лишь мотив внешнего уровня. А общеисторическое управление как повторяющаяся в разных обществах деятельность структура — это не закон какого-то как будто бы естественного и фатального суммирования частных корыстных интересов, приводящего к отчуждению общего блага и человеческого труда (в конце концов если бы было так, развитие капитала не было бы настолько целенаправленным и прогрессивным, оно было бы пунктирным, сбивчивым и разнотеленным), но следование некоей идее.

Глобальное объединение и прогресс XIX–XX вв.

Мы утверждаем, что эта идея — политическое и экономическое объединение человечества и полный контроль над людьми, в пределе — над человеческой сущностью (онтологическое рабство). Это такое состояние, в отношении которого постулируемое марксизмом отчуждение является лишь средством и этапом. Это состояние, в котором отчуждение *снимается*, потому что перестает идентифицироваться и существовать само то, от чего что-либо отчуждается, — перестает существовать человеческая сущность. Это состояние есть цель последовательности формаций, цель общеисторического управления, а мотивом является, по-видимому, абсолютный контроль над людьми, но не как инструмент частных корыстных интересов, а как некое самоценное или специфическое, не прагматическое по смыслу состояние.

Почему целью общеисторического управления является объединение человечества, а мотивом контроль над людьми?

На наличие цели указывает сама последовательность формаций, ее поступательный, прогрессивный характер. Это вектор, который с априорной необходимостью на что-то указывает. На что? Марксизм предлагает отвечать на этот вопрос диалектически: смена эксплуататорских формаций в перспективе ведет к кризису, после чего закономерно возникает противоположность — формация, в принципе отрицающая эксплуатацию [1, с. 72]. Этот вариант демонстри-

➤ Информационная система технологически обеспечивает осуществление контроля на предельном уровне — изнутри сознания.

рует присущий марксизму макроисторический оптимизм: подразумевается (как мы уже упоминали), что общеисторическое управление — это лишенная собственной цели абстрактная сила, слепо прогрессирующая, а затем закономерно, как бы естественно, приходящая к диалектическому снятию себя.

Мы должны выйти, в контексте сказанного выше, за рамки этой оптимистической гипотезы и ответить иначе на поставленный вопрос (почему объединение есть цель?), подразумевая, что для общеисторического управления эта цель является конкретной и осмысленной, исключающей альтернативную коммунистическую формацию и образующей в последовательности эксплуататорских форм некое итоговое состояние.

Чтобы ответить на указанный вопрос, потребуются раскрыть понятие «прогресс». Прогресс — это прежде всего концепция просветителей и вслед за ними теоретиков-социалистов. Они понимали под прогрессом историческое развитие разума, развитие наук и на основе этого развитие индустриальной системы. Цель прогресса — триумф индустриального (или «социетарного») строя [2]. Прогресс имеет значение технически-экономическое, но наряду с этим и социальное, так как достижение цели возможно только при освобождении производительного класса, являющегося источником общего блага, рост которого есть прогресс. Можно сказать, что в чисто практическом и ближнем историческом смысле, то есть до достижения цели, прогресс сводится к развитию производства вообще: это усиление средств производства, то есть технических, экономических и организационных средств общего блага, создаваемых производительным классом. Так прогресс понимается в большинстве случаев, так же, в принципе, понимается он и в марксизме.

В своем историческом осуществлении прогресс проблематичен, он включает две альтернативные друг другу смысловые линии. С одной стороны, он есть продукт смены эксплуататорских формаций и инструмент эксплуатации, в этом отношении прогресс имеет негативный смысл.

С другой — он отчасти не зависит от структуры формаций, гипотетически даже возможен независимо от нее (в этом основа теории коммунистического общества) и в таком понимании представляется средством исторического освобождения человека — это позитивный аспект прогресса. Первая линия преобладает над второй и является непрерывной, вторая же имеет факультативно-пунктирный и, пожалуй, гипотетический, идеальный характер. В рамках эксплуататорских формаций прогресс заключается, прежде всего, в усилении средств эксплуатации и ее распространении.

Именно то, что происходит с техническими, экономическими и организационными средствами общего блага в рамках этого усиления, и содержит ответ на вопрос, почему целью общеисторического управления является объединение человечества. Происходит следующее: развитие транспорта, связи, энергетики и массового производства, транснациональных рынков и колоний, орудий войны, средств информации и контроля. Логика развития этих отраслей очевидна — объединение. Прогресс позволяет попавшим под его действие народам усиливаться более вширь, чем вглубь. Одни народы сильнее влияют на другие, однако они не становятся после достижения определенного порога (этот порог, по-видимому, задается навыками и свойствами, позволяющими людям эффективно выполнять требуемые функции) более здоровыми и знающими. Развитие же образования и здравоохранения (можно считать эти две отрасли критериями подлинного, «идеального» прогресса) имеет место скорее как дополнительный, а не основной фактор. То есть общий смысл прогресса XIX–XX вв. заключается не в том, чтобы представители разных народов были более свободными — обладали знаниями, были здоровыми, не испытывали нужду, но в том, чтобы они были более тесно связаны друг с другом.

Следует отметить, что со второй половины XX в. прогресс является удивительно односторонним. Развивается только одна отрасль — средства программирования, то есть связи и передачи информации. Ни в транспорте, ни в энергетике, ни в производстве не произошло принципиально значимых скачков — человечество использует двигатели внутреннего сгорания и реактивные двигатели, созданные в конце XIX и в первой половине XX в., а также энергию, ресурсы и технологии, принципы работы которых открыты не позже середины XX в. (автоматизация производства имеет манипулятивный, а не принципиаль-

но прогрессивный характер — меняется управление, а не материальный принцип производства). В базовых социально значимых отраслях, здравоохранении и образовании имеют место глубокая стагнация и регресс. И только в информатизации произошел принципиальный скачок. Эта специфическая односторонность выразительно демонстрирует общую идею — глобальное объединение людей. Можно предположить, что информационные технологии — это то, чего не доставало в прочих областях, в которых уже был достигнут достаточный для объединения уровень.

Становится все более очевидным, что мир, став глобальной системой, движется в направлении, которое примерно можно определить как тотальное стирание различий. Наиболее выразительно это проявляется в тематике гендерного равноправия и толерантности. Информационное воздействие на людей, разрушающее традиционные естественные взгляды и формирующее не просто культурную, но онтологическую установку на несущественность и одномерность (равноправность) чего-либо различного, даже естественно различного, — это отнюдь не капиталистическое, не политическое, но гораздо более глубокое по смыслу движение. В чем мотив объединения? Зачем оно нужно? Для победы над людьми, для уничтожения возможности свободы даже изнутри сознания — для предельного контроля и власти. Объединение, то есть стирание политических и ментальных границ, изначально ограждающих и защищающих людей, делает их одномерными и открытыми для управления. Информационная система технологически обеспечивает осуществление контроля на предельном уровне — изнутри сознания. Не в этом ли конечная цель тех, для кого империи, мировые религии, просветительство и прогресс XIX–XX вв. являются лишь средствами?

Например, почему исторически развивался монотеизм не как религиозный, но как цивилизационный концепт? Разве античность, провозгласившая познание высшей ценностью, исключает прогресс? Античность слишком дифференцирована, в подлинном смысле мультикультурна, поэтому она как цивилизационная матрица не могла справиться с глобальным проектом — не смогла бы вместить его. Грекам не удалось даже построить империю. Риму не удалось ее удержать. А монотеизму удалось — цивилизация Нового времени основывается на монотеистической, *монократической* концепции. Монотеистическая концепция — это не религия, как некий мифологически-эстетический и обрядовый комплекс,

но нечто большее, это, прежде всего, приоритет единого начала на трансцендентальном уровне, формирующем фундамент картины мира и самосознания. Этот приоритет по мере распространения и утверждения монотеизма позволяет объединять народы не политическими, «римскими» методами, но изнутри сознания, изнутри совести.

Может возникнуть вопрос: почему мы рассматриваем объединение человечества изначально в негативном смысле? Почему это насилие над человеческой сущностью, которое приводит большинство людей к страданию и которое есть зло? Это многоуровневый и метафизический в своей основе вопрос. На внешних, не метафизических уровнях ответ на него заключается в том, что человеческая природа изначально дифференцирована — по половому, расовому, языковому признакам и культурно-историческим особенностям. Эта дифференциация является естественным состоянием человечества. Объединение, если оно осуществляется глобально и включает феномены тотального «стирания различий», упомянутые выше, разрушает эту естественную структуру человеческой органической, психической и социальной природы. Уже поэтому оно враждебно человеческой природе. В политическом же смысле глобальное объединение подразумевает создание максимально мощной системы эксплуатации — более мощной, чем любая национальная система. Человек в такой системе предельно закабален, и это есть зло, хотя бы в чисто марксистском смысле.

Итак, состояние объединения человечества и тотального контроля над людьми — энтелехия мировой истории, ее смысл, имеющий в контексте человеческой природы и обусловленных ею стремления к знаниям, здоровью и свободному непринудительному труду абсолютно негативный характер. Организационное противостояние этому состоянию и движению к нему есть революция.

Смысл революции

У общеисторической системы управления есть организационный аспект. Это существовавшие в истории и ныне существующие наднациональные структуры. В древности — династические политические структуры и клерикалы, в Новое и Новейшее время — мировой капитал плюс определенные международно-правовые организации, не полностью, впрочем, сменяющие предыдущие структуры. Именно династии, клерикалы, капитал и международное право представляют собой совокупный субъект общеисторического управления, его настоящую, не абстрактную и даже не

анонимную комплексную организацию. Филипп Аллот пишет об этом феномене: «Изолированные от своих национальных конституционных порядков, не обремененные каким-либо корреспондирующим международным конституционным порядком, эти органы смогли воспользоваться тем, что может быть обозначено как коллективный международный абсолютизм, как жизнь-после-смерти дореволюционных национальных *anciens régimes*. Эта *Hofmafia* включает аристократию двора (политиков и старших национальных и международных служащих), аристократию мантии (публичных служащих и практикующих международных юристов) и аристократию пера (историков, юристов-теоретиков, специалистов в области международных отношений, комментаторов и экспертов)» [3].

Слабость марксизма в том, что он не увидел этот организационный уровень — не увидел субъекта. Маркс понял, что формальные и чисто политические, а также философско-правовые основания государства и права не работают, что основания — в чем-то другом и в этом сила марксизма. Маркс нашел реальный базис в экономике, в материальных отношениях [4]. С точки зрения марксизма получается, что все упомянутые выше структуры, включая государство и право, существуют лишь как надстроечные конструкции, служащие для удовлетворения интересов эксплуататоров. Такой вывод получается, если понимать базис исключительно материалистически. Если же, как мы полагаем, у общеисторического управления есть не материальный, но иной, более масштабный смысл, образующий глобальную цель, то и эти структуры имеют не надстроечную, но собственную логику, не зависящую от эксплуататорских интересов, а эксплуатация есть не более чем внешний побочный эффект.

Русская революция — это борьба не с эксплуатацией, но с самим общеисторическим управлением. Эта борьба была выстроена на основе марксизма, но осуществилась она на подлинной, внутренней основе, и марксизм играл роль тактически подходящей начальной теории. Марксизм есть не смысл, но только определенное средство этой революции, сама же она глубже по смыслу, чем марксизм. Русская революция представляет собой уникальную в истории попытку политического выхода из-под общеисторического управления: это не классовая борьба против эксплуататоров, но борьба России, ее нации против власти наднациональной элиты и против осуществления ее общеисторической цели. Субъект общеисторического управления и наднациональная

элита — одно и то же. Можно сказать, что «субъект общиисторического управления» — это настоящее определение наднациональной элиты.

Главным содержанием русской революции была борьба с династическим государством и его союзниками, с церковным сословием, с держателями капитала. Эти моменты обусловлены не идеологией марксизма и не классовой борьбой, хотя провозглашаются и внешне кажутся таковыми. Это даже не политическая борьба, а борьба трансцендентально-историческая, противостояние силам и структурным связям общиисторического управления, власти его субъекта, изнутри и извне. Борьба настолько отчаянная, что она не могла быть гуманной, но могла быть только тотальной, смертельной, жесточайшей. Все структурные связи с общиисторической властью — династические, капиталo-финансовые, клерикальные — должны были быть санированы, то есть устранены полностью. Причем эта санация требовалась не только на организационном, но и на сознательном уровне.

Можно сказать, что проектом революции было национальное государство в настоящем смысле слов «национальный» и «нация», не тождественном значению слов «этнос» или «народ». Государство нации, то есть суверенное объединение народов, исторически связанных цивилизационным укладом и языком, формирующим этот уклад, а также имеющих историческую идею, проект. Идея заключается в суверенитете в его особенном (в соответствии с изложенным контекстом) смысле — это идея отрыва от общиисторического управления и предотвращения реализации его цели. Суверенитет в данном контексте значит состояние полной независимости от наднациональной элиты. Вот почему радикальный разрыв связей был необходим. Государство, построенное революцией, было необходимо потому, что без него немислим суверенитет.

Отрыв, выход из общиисторического управления — идея уникальная. Для всякого человека, который понимает фундаментальную несправедливость, глубочайшую роковую пагубность устройства мира, идея этого выхода есть выражение предельной, фантастической мечты. И русская революция является тем более уникаль-

➤ Государство, построенное революцией, было необходимо потому, что без него немислим суверенитет.

ной, что она реализовала эту идею в исторически значимом масштабе. Эта революция является борьбой против структуры общиисторического управления именно русского народа. Именно Россия — исторически главный противник Запада, она противостоит ему в большей мере, чем какой-нибудь другой цивилизационный субъект, а Запад — не что иное, как цивилизационный каркас, вместилище наднациональной элиты.

Итак, все народы мира управляются на основе одного принципа, имеющего разноуровневое содержание и образующего структуру. Эта структура представляет собой не объективную закономерность, как в марксизме, но исторически организованную деятельность, у которой есть цель и субъект. По своей цели эта структура враждебна человеческой природе. Субъектом является наднациональная элита — совокупность исторически устойчивых династических, клерикальных, финансово-капиталистических и международно-правовых структур.

Русская революция является борьбой не против капитализма. Настоящее ее значение в том, что она — борьба цивилизационно объединенных народов России против власти общиисторической структуры — против представляющей ее наднациональной элиты, против целенаправленного построения этой элитой системы единой глобальной власти.

ПЭС 17164 / 30.10.2017

Источники

1. Маркс К. Манифест Коммунистической партии. М.: Вагриус, 1999. 175 с.
2. Saint-Simon Cl.-H, de. Du système industriel. A Paris, chez Antoine-Augustin Renouard. M.DCCC.XXI. 1821. P. 249.
3. Allot P. The Health of Nations. Society and Law beyond the State. Cambridge University Press, 2002. Pp. 396–398.
4. Маркс К. К критике политической экономии. М.: URSS, 2009. С. 6–7.

References

1. Marks K. *Manifest Kommunisticheskoy partii* [Manifesto of the Communist Party]. Moscow, Vagrius, 1999, 175 p.
2. Saint-Simon Cl.-H, de. *Du système industriel*. A Paris, chez Antoine-Augustin Renouard. M.DCCC.XXI, 1821, p. 249.
3. Allot P. *The Health of Nations. Society and Law beyond the State*. Cambridge University Press, 2002, pp. 396–398.
4. Marks K. *K kritike politicheskoy ekonomii* [Contribution to the Critique of Political Economy]. Moscow, URSS, 2009, pp. 6–7.